

УДК 800:159.9

СЛОВО В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ КУРСКОЙ ШКОЛЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

С.В. Лебедева

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: lebedeva15sv@yandex.ru

Курский государственный университет

В.В. Денисова

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
e-mail: veravdenisova2016@gmail.com

Государственный университет управления (г. Москва)

В статье представлен краткий обзор и анализ работ по изучению индивидуального лексикона, выполненных исследователями Курской школы психолингвистики. Показано, что слово как функциональная значимость, вовлеченное в сферу жизнедеятельности человека, предполагает знание связей и отношений между объектами окружающего мира, индивидуальный опыт практического владения способами и операциями, возможными в человеческой общности при взаимодействии с теми или иными объектами или явлениями. Проведенные исследования развивают теорию проксиматики С.В. Лебедевой, которая предлагает психолингвистическую трактовку функционирования слова в индивидуальном лексиконе и рассматривает этот процесс как реализацию одной и той же смысловой программы с помощью различных языковых средств в процессе многоэтапной развертки образа речемыслительной деятельности.

Ключевые слова: психолингвистика, слово, значение, эксперимент, фрейм, модель, знание, сознание.

Введение.

Изучение ментального лексикона представляет собой одну из наиболее важных задач психолингвистики, поскольку позволяет установить закономерности живого знания, реального бытования концептов в сознании носителей языка. Известно, что живое знание гораздо подвижнее, чем знание, застывшее в текстах. Соответственно, установление закономерностей организации ментального лексикона дает возможность более адекватного понимания языка как средства общения и активного преобразования информации (см. [Леонтьев 1965; Леонтьев 1975; Залевская 2005, 2013; Лебедева 2002, 2009] и др.).

Проведенные исследования хорошо иллюстрируются размышлениями академика Ю.С. Степанова о том, что сегодня уже нет «стыков наук», как нет работ, выполненных на «границе разных наук». Это уже вчерашний день, архаическая точка зрения, ибо нет «границ наук». Творческая деятельность ученого протекает в иной системе членения знания – в рамках «проблемной ситуации». И уж если непременно нужно классифицировать, то именно «проблемная ситуация» может быть названа единицей современного научного знания [Степанов 1995].

Материал и методы.

На основании проведенных экспериментальных исследований была практически и теоретически обоснована специфика функционирования слова в индивидуальном лексиконе с психолингвистических позиций.

Поиски нового подход нашли отражение в исследовании Ю.О. Князевой, которая показала особенности синонимизации в русской и британской лингвокультурах в рамках модели «свой-чужой», которая раскрывает стратегическую природу переживания сходства с учетом принципа глубинной идентичности смыслов. Согласно автору, синонимия как лингвокультурный феномен является средством овнешнения и объективации всех знаний, репрезентированных в сознании различным образом.

Автору удалось раскрыть стратегическую природу переживания сходства с учетом принципа глубинной идентичности смыслов; выявить универсальные стратегии, к которым отнесены стратегии опоры на социум; стратегии опоры на культурные знания; стратегии опоры на индивидуальный опыт и переживания. В исследовании обоснован (весьма убедительно) выбор конкретной стратегии переживания сходства, зависящей от лингвокультурной принадлежности индивида, носящей этнографический характер и соответствующей ментальности данного народа. Этот выбор опирается на взаимодействие когнитивных элементов опыта в ситуации «для меня, здесь и сейчас». Автор обращается к когнитивным моделям, тщательно анализируя их преимущества в вопросах отражения сложностей организации человеческих знаний и лексикона. Рассматриваются такие модели, как фрейм, семантическая сеть, прайминг, расплывчатые множества. Автор смоделировала работу, умело используя потенциал корпусной лингвистики с ее достоверной статистикой, исключением возможности ошибок при анализе данных, а также восполняя пробелы и недостатки конкордансов данными свободного ассоциирования испытуемых (см. подробно [Князева 2009]).

В число задач Е.О. Милоенко входило изучение специфики функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе. Теория проксиматики в данной диссертации имеет значительную объяснительную силу, поскольку позволяет рассматривать процесс эвфемизации как

уточнение значения слова под влиянием социальных, культурных и личностных факторов. Е.О. Милоенко подчеркивает, что «вечной» проблемой также оставался и остается поиск критериев, по которым можно было бы определить, выявить и описать слова со значением вуалирования и запрета. В исследовании обосновывается положение о том, что специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе обусловлена особенностями акта проксимации, и с этой точки зрения их качественная характеристика определяется параметром «время» и социально-культурной средой жизни человека. Конверсия оценки влияет на специфику функционирования эвфемизмов, которая проявляется в ситуации «для меня, здесь и сейчас». Сочетание комплекса исследовательских процедур позволило автору установить некоторые закономерности функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе. Исследователь дает подробное описание экспериментального исследования, которое включает свободный ассоциативный эксперимент и методику субъективных дефиниций с последующим анализом полученных данных. Автор выдвинула гипотезу, что эвфемизм в индивидуальном лексиконе функционирует так же, как и любое другое слово, являющееся лишь медиатором, обеспечивающим выход индивида на его образ мира, формирующийся в многомерном и разностороннем личностном опыте, без которого никакой знак не может функционировать как достояние человека. Данная трактовка позволила утверждать, что для эвфемизма будет характерна вариативность смысла, и участники эксперимента должны через призму личного опыта «пропустить» результаты чужого сравнения и прийти или к тому же заключению относительно вуалирования тех же явлений, что и создатель эвфемизма, или представить собственное видение ситуации (см. подробно [Милоенко 2009]).

А.Н. Бурухин рассматривает специфику функционирования плеоназмов в индивидуальном лексиконе. Автор отмечает, что фигуры повтора являются важнейшим языковым способом повышения надежности в передаче того или иного сообщения. К числу таких способов редупликации смысла относится плеоназм. Филологи обращались к изучению плеоназма с древних времен, рассматривая это явление то как фигуру усиления воздействия в процессе общения, то как речевую ошибку. Однако, несмотря на ряд работ, посвященных исследованию плеонастических языковых образований, недостаточно освещенными остаются психолингвистические механизмы функционирования таких повторов. Требуется решения вопрос о функциональной специфике плеоназма во внутреннем лексиконе. Автору удалось установить место плеоназма в ряду близких речевых явлений, выявить дискурсивную специфику плеоназмов и экспериментально охарактеризовать распределение плеонастических единиц в речи. Автор критически

анализирует подходы к пониманию плеоназма, определяет его конститутивные признаки, раскрывает суть корпусного анализа языкового материала и обосновывает правомерность предлагаемого в работе понимания рассматриваемого явления в рамках антиномии «индивидуальное – социальное». Автор убеждает читателя в том, что плеоназм – не пустое умножение содержания, а важное дополнительное уточнение смысла. Функциональные, риторические и эмоциональные обертоны плеоназма объясняют его востребованность в речи. Особенно интересны те случаи плеоназма, которые подразумевают дополнительные культурно-ситуативные смыслы, например, *an anonymous stranger*. Применительно к англоязычным плеоназмам заслуживают внимания те биномы, в которых одна часть относится к германским корням, а другая – к латинским, например, *grateful thanks*. Нельзя не согласиться с автором в том, что плеоназмы могут свидетельствовать как о низкой речевой культуре и шаблонности выражения мысли (*семь человек студентов*), так и о намеренном усилении воздействия на адресата (такова, например, библейская риторика, во многих стихах Библии содержатся удвоения смысла). А.Н. Бурухин безусловно прав, говоря о том, что плеоназм является частным случаем проксимации, т.е. закреплённости высказывания в координатах «я – здесь – сейчас». В исследовании доказано, что плеоназмы в индивидуальном лексиконе это – прагматические языковые единицы, используемые в ситуации «здесь и сейчас», в реальном времени, в реальном пространстве, конкретным человеком. Они также могут представлять собой относительно стабильные языковые конструкты (речевые штампы и клише), отражающие информационные потоки, которыми пользуется социум в определенный отрезок времени (см. подробно [Бурухин 2013]).

Исследование Е.А. Коневой посвящено комплексной характеристике паронимов в психолингвистическом аспекте. Автору удалось внести уточнения в определение паронимов, построить многомерную классификацию этих единиц, разработать экспериментальную методику изучения паронимов как единиц ментального лексикона и выявить особенности их функционирования в сознании современных носителей русского языка. Заслуживают внимания аргументы исследователя, анализирующего паронимию как комплексное явление, обусловленное вариативностью существования языковых знаков, языковой экономией и отклонениями от нее, языковыми нормами и нарушениями этих норм. Нельзя не согласиться с автором в том, что при изучении паронимии продуктивным оказывается диалектический подход, требующий учета противоположных тенденций в языке, например, экономии и дифференциации. Весьма логичным этапом в описании паронимии выступает освещение этого явления с позиций речевых норм, речь идет о

непроизвольном и произвольном сближении единиц. Е.А. Конева продуктивно развивает идеи А.А. Залевской о живом знании, отраженном в ментальном лексиконе, и вносит определенные уточнения в теорию проксиматики, предложенную С.В. Лебедевой. В работе детально описаны свободный и направленный ассоциативные эксперименты. Заслуживает внимания, в частности, вывод автора о том, что фреймы являются проксонимическими проекциями. Очень важен тезис о том, что число значений ряда паронимов в сознании индивида представлено значительно шире, чем в словарных дефинициях. Этот тезис в значительной мере объясняет специфику живого знания в целом. Е.А. Конева делает вывод о том, что общая модель когнитивного пространства паронимии возникает на основе различения сфер употребления этого явления, коррелирующих с конкретными областями общечеловеческого опыта (см. подробно [Конева 2010]).

И.П. Кривко рассматривала специфику близости значения слов в индивидуальном лексиконе в русле синергетического подхода, нацеленного на изучение самоорганизующихся систем, к числу которых с полным основанием можно отнести и ментальный лексикон человека. В исследовании рассмотрены основные концепции и методы синергетики, или теории самоорганизации как одного их наиболее популярных и перспективных междисциплинарных подходов. Здесь же анализируются преимущества этого подхода в гуманитарных сферах науки со ссылкой на авторитетные мнения отечественных и зарубежных исследователей, в том числе и тех, кто занимается изучением языковых феноменов с позиции синергетической парадигмы. Экстраполяция синергетических идей и категорий в поле психолингвистики оправдано самой сутью синергетики как особого направления в современной науке, формирующего новый тип научного познания – «познания через сопоставление с дисциплинарно иным и даже противоположным, познания через *трансдисциплинарный* перенос моделей и когнитивных схем» [Князева, Курдюмов 2002]. Автор представил *моделирование процесса выбора синонима как процесса преодоления неустойчивости системы* с обоснованием возможностей синергетического моделирования параметров порядка и принципа подчинения на уровне ментального лексикона. Теоретическую значимость исследования можно усматривать в *установлении внутренней изоморфии поведения сложных систем* посредством подхода, называемым «top-down approach» (Г. Хакен), т.е. от общей модели к пониманию поведения конкретной сложной системы, в данном случае синонимической (см. подробно [Кривко 2010]).

Целью исследования Е.Н. Кондратенко является уточнение феномена идеологической проксонимии, а также выявление специфики функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном

лексиконе на основании антропоцентрического подхода к языку и психолингвистической концепции слова. Феномен проксонимии рассматривается Е.Н. Кондратенко на примере так называемых идеологических проксонимов, и это не случайно. С одной стороны, словам-проксонимам, бесспорно, принадлежит одна из основных ролей в процессе позиционирования объекта или явления; тот или иной способ номинации способствует достижению определенной цели в процессе коммуникации – это касается как устной коммуникации, так и текстов СМИ, как идеологических проксонимов, так и других их видов. Для проверки сформулированной гипотезы об обусловленности специфики функционирования идеологических проксонимов в лексиконе индивида социокультурным фоном и концептуальной сферой человека исследователем проведён эксперимент, состоящий из следующих этапов: свободный ассоциативный эксперимент с целью выявления проксонимических признаков, которыми пользуется человек в своей повседневной речемыслительной деятельности; выявление субъективных дефиниций анализируемых проксонимов; дополнительное исследование реакций, полученных от носителей английского языка. Хотелось бы отметить, что допустимость и целесообразность использования подобных экспериментальных методик мотивируется самой проблематикой исследования – ведь изучение проксонимов невозможно без обращения к индивидуальному сознанию, поскольку именно в его пределах возможно проксонимическое сближение единиц.

В работе продемонстрирована конкретная реализация разработанного алгоритма исследования идеологических проксонимов. Эта реализация позволила автору сформулировать далее следующие выводы: исследуемые лексические единицы имеют высокую степень идеологичности, они способны отражать взгляды, ценностные ориентиры участников эксперимента; большинство идеологических проксонимов обладают смысловым сходством, обусловленным субъективным опытом испытуемых; в основании для сравнения при установлении близости значения слов в индивидуальном сознании зачастую лежит принцип «новое/старое», который строится с опорой на признак общности/различия основания для сравнения, знания и образ ситуации; Исследование Е.Н. Кондратенко расширяет лингвистический терминологический аппарат: вводится новый научный термин – *идеологический проксоним*.

Под идеологическими проксонимами предлагается понимать вербальные единицы, сформированные на основании социальных, культурных и житейских конвенций и функционирующие в определенный период времени в ситуации «здесь и сейчас». Существование соответствующего феномена становится очевидным, однако данное

явление никак не номинировано в науке, появление соответствующей номинации видится вполне логичным и закономерным.

Автором описана и апробирована методика исследования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе. Представляется, что использованный алгоритм может быть успешно применён в процессе исследования других видов проксонимов. Кроме того, в работе предпринимается попытка максимально объективизировать результаты предпринятого исследования. Так, в исследовании рассчитывается особый количественный показатель – степень пересечения ассоциативных полей, а полученные количественные характеристики не позволяют поставить под сомнение итоговые результаты (см. подробно [Кондратенко 2014]).

Конкретным аспектом данной тематики, который подвергся пристальному вниманию исследователя Т.А. Локтионовой, является социальная эвфемия в лексиконе человека. Предлагаемый вопрос остается неразработанным, но назревшим и требующим изучения с теоретической точки зрения, а также одним из приоритетных и насущных в связи с происходящими процессами социального взаимодействия в современном обществе, изменениями в его структуре, сформировавшимися тенденциями и интенсивным развитием с практической точки зрения. Проблема эвфемии вообще, и социальной эвфемии в частности, является остро стоящей и требующей освещения и обработки, поскольку окружающий мир, его реалии, устои и новообразования требуют пересмотра старых позиций и поиска инновационных решений. В исследовании Т.А. Локтионовой эвфемия справедливо определяется как инструмент социального консенсуса, а также автор придерживается положения о наличии комплексного, социального и психолингвистического характера исследуемого феномена. Социальную эвфемия Т.А. Локтионова обоснованно рассматривает как окказиональные проксонимы с позиций теории проксиматики С.В. Лебедевой, психолингвистической концепции слова и концепции знания А.А. Залевской, теории эвфемии Б.А. Ларина, зарекомендовавших и доказавших свою валидность и актуальность. Всесторонне и полно проведено описание социальной эвфемии и ее особенностей, условий ее возникновения и функций, а также факторов, влияющих на нее. Несомненным важным достижением исследователя является предложенное понятие эвфемистической модели как существующей и / или складывающейся в социуме и в сознании индивида когнитивно-лингвистической схемы связи между понятийными сферами, подвергающимися эвфемизации. Данное определение видится правильным, логичным и необходимым для понимания сущности социальной эвфемии. Экспериментальные данные, полученные автором,

подтвердили мысль, что социальная реклама нацеливает индивида на интеллектуально-эмоциональную переработку воспринимаемой информации, на «сопереживание» и оценку содержащегося в ней сообщения (см. подробно [Локтионова 2012]).

Выводы.

Рассмотренные вопросы входят в одну большую проблему – проблему жизни слова в индивидуальном сознании и влияние на взаимодействие языка и действительности определенных факторов. К ним, вероятно, нужно отнести характер объектов или явлений, соотносимых со словом. Можно говорить о том, что функционирование слова в индивидуальном сознании и репрезентация его значения в языке является отражением соответствующих связей и отношений между предметами и явлениями окружающего мира. Работа механизма репрезентации значения любого слова, в конечном итоге, предопределена семантикой исходного слова, которая, в свою очередь, является отражением реальности в активно действующем сознании человека.

Библиографический список

Бурухин А.Н. Специфика функционирования плеоназмов в индивидуальном лексиконе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2013. 19 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. М.: Гнозис, 2005. 542 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. М.: Директ-Медиа, 2013. 240 с.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.

Князева Ю.О. Стратегии синонимизации в русской и британской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2009. 23 с.

Конева Е.А. Специфика функционирования паронимов в ментальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2010. 181 с.

Кондратенко Е.Н. Идеологические проксонимы в индивидуальном лексиконе: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2014. 175 с.

Кривко И.П. Специфика синонимической аттракции в лексиконе индивида: синергетический подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2010. 24 с.

Лебедева С.В. Синонимы или проксонимы? Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. 201 с.

Лебедева С.В. Содержание и специфика термина «проксиматика» // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 62-68.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М.: Наука, 1965. 245 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Наука, 1975. 431 с.

Локтионова Т.А. Социальная эвфемия в лексиконе человека (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2012. 20 с.

Милоенко Е.О. Специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2009. 23 с.

Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. М.: ФГБУ науки Институт языкознания Российской академии наук, 1995. С. 7-34.

References

Buruhin A.N. Specifika funkcionirovaniya pleonazmov v individual'nom leksikone: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kursk, 2013. 19 s.

Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: izbr. tr. M.: Gnozis, 2005. 542 s.

Zalevskaya A.A. Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta: monografiya. M.: Direkt-Media, 2013. 240 s.

Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizaciya, tempomiry. SPb.: Aletejya, 2002. 414 s.

Knyazeva YU.O. Strategii sinonimizacii v russkoj i britanskoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kursk, 2009. 23 s.

Koneva E.A. Specifika funkcionirovaniya paronimov v mental'nom leksikone (eksperimental'noe issledovanie): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kursk, 2010. 181 s.

Kondratenko E.N. Ideologicheskie proksonimy v individual'nom leksikone: eksperimental'noe issledovanie: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kursk, 2014. 175 s.

Krivko I.P. Specifika sinonimicheskoy attrakcii v leksikone individa: sinergeticheskij podhod: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kursk, 2010. 24 s.

Lebedeva S.V. Sinonimy ili proksonimy? Kursk: Izd-vo Kursk. gos. ped. un-ta, 2002. 201 s.

Lebedeva S.V. Soderzhanie i specifika termina «proksimatika» // Voprosy psiholingvistiki. 2009. № 10. S. 62-68.

Leont'ev A.A. Slovo v rechevoj deyatel'nosti. M.: Nauka, 1965. 245 s.

Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Nauka, 1975. 431 s.

Loktionova T.A. Social'naya evfemiya v leksikone cheloveka (eksperimental'noe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kursk, 2012. 20 s.

Miloenko E.O. Specifika funkcionirovaniya evfemizmov v individual'nom leksikone: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kursk, 2009. 23 s.

Stepanov YU.S. Izmenchivyy «obraz yazyka» v nauke XX veka // YAzyk i nauka konca XX veka. M.: FGBU nauki Institut yazykoznanija Rossijskoj akademii nauk, 1995. S. 7-34.